

Жапарова Алия Каиргельдыевна, Федорова Елизавета Евгеньевна

ФАНТАЗИЯ И УТОПИЯ КАК МАСКИ ДУХОВНОГО МИРА

Авторы данной статьи попытались рассмотреть особые виды "социальной маски": маски духовного мира. Идея подразделения масок духовного мира на маски субъекта и маски общества выдвигается как одна из наиболее значимых идей статьи. Фантазия и утопия интерпретируются как модусы сознания, представленные как "маски освобождения". Обозначенные виды социальной маски показаны в их различии и сходстве. Актуальность статьи состоит в философском осмыслении одной из функций феномена социальной маски: "функции катарсиса".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. С. 93-95. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 101.1:316

Философские науки

Авторы данной статьи попытались рассмотреть особые виды «социальной маски»: маски духовного мира. Идея подразделения масок духовного мира на маски субъекта и маски общества выдвигается как одна из наиболее значимых идей статьи. Фантазия и утопия интерпретируются как модусы сознания, представленные как «маски освобождения». Обозначенные виды социальной маски показаны в их различии и сходстве. Актуальность статьи состоит в философском осмыслении одной из функций феномена социальной маски: «функции катарсиса».

Ключевые слова и фразы: маска; фантазия; утопия; сознание; духовный мир; реальность; катарсис; идеальное бытие; общество; государство.

Жапарова Алия Каиргельдыевна, к. филос. н.

*Омский автобронетанковый инженерный институт
alfil82@mail.ru*

Федорова Елизавета Евгеньевна

*Сибирский государственный университет физической культуры и спорта
liza-filosofof@mail.ru*

ФАНТАЗИЯ И УТОПИЯ КАК МАСКИ ДУХОВНОГО МИРА[©]

Маска, как объект культуры (предметная маска) и маска как способ социального взаимодействия (социальная маска) сходны, прежде всего, многообразием форм своего проявления, своей многоликостью. Одним из важных аспектов изучения маски выступает необходимость построения типологий масок, некоей иерархии и уровней подразделения, с целью определения специфики того или иного вида маски.

Если предметная маска, ее разные формы сходны первым и важнейшим своим онтологическим свойством – материальностью, вещностью, то для социальной маски – некоторых её подразделений – необходимой чертой, объединяющей их, становится как раз отсутствие материальной, видимой, чувственной стороны выражения. Сущностным для подобного рода бытия масок становится жизнь сознания, трансформация духа человека. Поэтому такие маски в нашей интерпретации получили название «маски духовного мира», чем мы и хотим подчеркнуть значимость метафизической сущности масок и показать наличие в бытии человека и общества особого рода «социальной маски» – маски не чувственной, а «чисто интеллигентной».

Маска способна выполнять не только социально значимые функции, но и функции, которые представляют собой первичную ценность для личности. Одной из таких функций выступает «катарсис», который в этой статье мы будем понимать в качестве искусства освобождения от «принципа реальности». Катарсис сопровождает такие явления человеческого сознания, как *фантазия* и *утопия*. Эти модусы сознания предстают в качестве «маски освобождения»: выражают тайное желание человека изменить, преобразовать реальность, в которой человек пребывает, испытывая внутренний моральный или духовный дискомфорт, и тем самым освободиться на время (хотя бы в рамках своей психической реальности) от того, что человека не устраивает.

Обратимся к идеям Г. Маркузе, подметившего значимые характеристики феномена фантазии через интерпретацию идей З. Фрейда: «Фрейд выделяет такой вид психической деятельности, которому свойственна высокая степень свободы от принципа реальности даже на развитых уровнях сознания, – фантазию» [5, с. 124].

Такое понимание фантазии представляется вполне правомерным и понятным. Действительно, фантазия есть вид психической деятельности человека, которому свойственна высокая степень свободы от «принципа реальности», так как субъект, фантазируя, в своем сознании конструирует образы, тревожит желания, мечтает о том, чего в реальности нет, тем самым отстраняясь от реального положения вещей. При соотношении такого понимания с утопией можно обозначить первое отличие утопии от фантазии. Хотя и фантазия, и утопия способны представлять «социальными масками», утопия, на наш взгляд, всё же не есть психическая деятельность, подобно фантазии.

Утопия – это мыслительный конструкт, который представляет собой модифицированный вариант перехода «принципа удовольствия» в «принцип реальности», и от принципа реальности он полностью не свободен: «жизнь часто требует от нас практического знания, опыта, такое знание является целостным» [2, с. 73].

Фантазии чужда забота о связях с реальными объектами: «акту фантазирования, который берёт начало в детской игре, а позднее переходит в мечтание, чужда забота о связях с реальными объектами» [5, с. 124]. Для утопии как определённой формы сознания связь содержания, которое утопия формирует, с реальными объектами не только не чужда, но, напротив, важна, но при этом утопия идеализирует эту связь, привнося в реальность элементы, в ней отсутствующие. В этой идеализации утопия и становится *маской*, которую можно обозначить как «*маска утопии*». Она выражает стремление человека к недостижимому, идеальному, но требующему реальных трансформаций и преобразований.

Следует признавать не только отличие, но и сходство фантазии и утопии. Утопия, как и фантазия, связывает мечту с реальностью. Фантазия «сохраняет табуированные образы свободы». Об этом Г. Маркузе говорит так:

«фантазия играет важнейшую роль в психической структуре в целом: она связывает глубочайшие слои бессознательного с высшими продуктами сознания (искусство), мечту с реальностью; она сохраняет архетипы рода, незыблемые, но вытесненные представления коллективной и индивидуальной памяти, табуированные образы свободы» [Там же, с. 124-125].

Утопия также сохраняет образы свободы, но интерпретирует их в соответствии с другими ценностями, например, ценностями равенства, труда, коллективизма и др. При этом, для утопии свойственен идеализм, который может проявляться в том, что она стремится сформировать образы настолько гармонично развитого общества, где будут, например, одинаково свободными и равными все субъекты. В таком контексте происходит отрыв утопии от реальности в её попытке утвердить принцип отсутствия социальных различий.

Как известно, существует и другой вариант утопии: представление об идеальном обществе, сконструированное Платоном [6, с. 89-454]. Гармоничное общество в «Государстве» Платона, как мы полагаем, тождественно понятию «справедливое общество». В этом варианте утопии идея справедливости вносит свои коррективы, приобретая бóльшую ценность, чем идея свободы; и вполне рационально обосновывается необходимость социальных различий.

Таким образом, «маска утопии» есть, во-первых, стремление человеческого сознания в рамках того же сознания освободиться от той убогой, несправедливой реальности, которая его окружает и угнетает. Во-вторых, «маска утопии» – это способ создать такие идеальные модусы бытия, которые бы были способны преобразовать действительность, сформировать потенциальное бытие не для одного человека, а для массы людей: для всего человечества. Важно подчеркнуть, что утопия – это есть *маска общества* (она содержательно предполагает глобальные аспекты модернизации всего общества, государства, социальных институтов, «рисую» идеализированный, нереальный образ общественного бытия), в то время как фантазия – это *маска субъекта*: маска индивидуального сознания. Обе они выполняют функцию катарсиса от «принципа реальности».

Следует также отметить эстетический аспект формирования этих модусов сознания. Их можно интерпретировать как вариант социальной маски, способной не только конструировать идеальное бытие, но и «эстетически» модернизировать его. Эстетика фантазии и утопии поначалу может быть только идеей красоты и прекрасного во внутреннем мире человека, а затем способна эволюционировать в реальное, *эмпирически явленное воплощение* – стать предметом объективации: «осуществленное бытие, заслуживающее названия реальности, есть воплощенная духовность и воплощенная душевность; разделение этих двух сторон действительности может быть произведено только мысленно» [4, с. 64]. Художественная, эстетическая сторона внутреннего и внешнего выражений фантазии и утопии анализируется современными исследователями и признается значимой [1; 3].

Признавая, что «фантазия является моментом художественного (и даже обыденного) сознания» [5, с. 125], задаемся вопросом: в чем состоит элемент «художественности» в утопии?

С одной стороны, утопия не есть момент ни художественного, ни обыденного сознания, так как она представляет собой своеобразную абстракцию (невидимое, метафизическое бытие маски), оторванную от реальности, в том смысле, что утопия в своём содержании преобразует эту реальность вполне рациональным способом. То есть утопия требует определённой рефлексии над наличной социальной действительностью и, соответственно, в ней отсутствует прямая непосредственность восприятия мира, свойственная, например, обыденному сознанию.

С другой стороны, элемент «художественности» в утопии можно усмотреть, так как идеалистическая направленность утопии своеобразным образом «поэтизируют» реальность, внося элементы веры в возможность достижения идеального состояния общества, как некой вершины, на которой всякие преобразования и изменения сменяются статичностью, в силу идеальности, завершенности самого этого состояния. Таким образом, маска утопии создаёт, «рисует» некий художественный образ возможного будущего, подобно тому, как ритуальные, церемониальные маски творили образ мира абсолютного, неизменного, сакрального, настоящего, *подлинного*.

Маска утопии – это метафизическая трансформация многообразия масок духовного мира носителей мифологического мышления. Современный человек утратил, потерял священное. Он не видит его ни в невидимом, ни в видимом бытии и поэтому вынужден заново придумывать новое бытие идеального, недостижимого, но желательного. Создатель и носитель маски утопии творит незримую связь с этим недостижимым абсолютным бытием через абстрактные модели своего сознания, которые терпят крах при попытках их воплощения в реальность, но «очищают» от этой реальности на уровне сознания, утешая и обогащая внутренней гармонией. В связи с этим, актуально утверждение Маркузе о том, что «хотя принципом реальности гармония была вытеснена в утопию, фантазия настаивает на её превращение в реальность, на том, что она зиждется на знании» [Там же, с. 127].

В таком понимании утопия противопоставлена фантазии, как то, что не может быть воплощено в реальность, как феномен, оторванный от реальности и не содержащий в себе возможности реализации. Утопию можно здесь понимать в значении «место, которого нет» или «то, что невозможно»; гармония, понимаемая как утопия, оказывается в своей утопичности невозможной.

На наш взгляд, можно не согласиться с расшифрованной Маркузе трактовкой утопии. Утопия способна нести в себе принцип гармонии и, подобно фантазии, формирует некоторые способы воплощения этого принципа в реальность. Например, через разные варианты масок утопии или фантазийных ликов в имиджах отдельных людей или целых социальных групп – представителей различных субкультур или создании систем, способных к глобальным социальным трансформациям, – обретаются художественные и социальные формы бытия маски.

Таким образом, мы выяснили, на примере рассмотренных видов социальных масок, что важнейшей функцией феномена социальной маски выступает функция «очищения», освобождения от тех аспектов действительности, которые субъекта или общество не устраивают. Маска позволяет осуществить перевоплощение, либо создать, сформировать потенциальное бытие, которое может быть частично реализовано, актуализировано.

Следует признать, что подобная функция была характерна и для предметной маски: маски венецианского карнавала позволяли скрывать подлинный социальный статус человека. Участники карнавального перевоплощения приобретали в масках новый облик и освобождали себя от обязанностей, полагающихся их социальным статусом. Маска снимала запреты на осуждаемые обществом социальные связи, освобождая человека и одновременно защищая его.

Список литературы

1. **Баренбойм П., Захаров А.** Флорентийская утопия: государство как произведение искусства. М.: Изд-во ЛУМ, 2012. 288 с.
2. **Жапарова А. К.** Инновации и воспроизводство в культуротворчестве (гендерный аспект). Омск: Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт», 2010. 132 с.
3. **Ильенков Э. В.** Об эстетической природе фантазии. Что там, в Зазеркалье? М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 128 с.
4. **Лосский Н. О.** Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 416 с.
5. **Маркузе Г.** Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого общества. М.: АСТ, 2003. 526 с.
6. **Платон.** Диалоги: в 2-х кн. М.: Эксмо, 2008. Кн. 2. 1360 с.

FANTASY AND UTOPIA AS MASKS OF SPIRITUAL WORLD

Zhaparova Aliya Kairgel'dyevna, Ph. D. in Philosophy
Omsk Auto-Armoured Engineering Institute
alfil82@mail.ru

Fedorova Elizaveta Evgen'evna
Siberian State University of Physical Culture and Sports
liza-filosof@mail.ru

The authors of the article attempt to examine special types of a “social mask”: the masks of spiritual world. The idea of classifying the masks of spiritual world into the masks of the subject and the masks of society is advanced as one of the most significant ideas of the paper. Fantasy and utopia are interpreted as the modi of consciousness presented as the “masks of liberation”. The mentioned types of a social mask are shown in their difference and similarity. The topicality of the work is in the philosophical comprehending of one of the functions of the phenomenon of a social mask: the “function of catharsis”.

Key words and phrases: mask; fantasy; utopia; consciousness; spiritual world; reality; catharsis; ideal existence; society; state.

УДК 321.022

Политология

В статье анализируются потенциал и проблемы законодательства и правительственных программ Российской Федерации в сфере промышленной политики. Делаются выводы о том, что в текущей государственной промышленной политике необходимо выделить приоритетные отрасли, нацелить ее на эффективность, ввести меры поощрения инноваций, установить пределы ответственности исполнителей, демократизировать отношения между промышленными и властными структурами.

Ключевые слова и фразы: государственные корпорации; государственная промышленная политика России; эффективность государственной промышленной политики; правовое обеспечение государственной промышленной политики; промышленность; политическое управление.

Загидуллин Руслан Ринатович

Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан
zagidullin.rus@inbox.ru

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ[©]**

Российская индустрия продолжает находиться в переходном и нестабильном состоянии. Некоторые ее проблемы восходят к просчетам советской модели экономического развития, другие коренятся в перипетиях 1990-х гг., третьи связаны с глобальными тенденциями и международными коллизиями. Одним из способов исправления ситуации и придания нового импульса устойчивому промышленному развитию является разработка и осуществление специальной промышленной политики. И ряд шагов в этом направлении предпринят. В июле 2015 г. вступил в силу Федеральный закон РФ «О промышленной политике», реализуется ряд правительственных программ (например, госпрограммы «Развитие авиационной промышленности на 2013-2025 годы», «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности» и др.). Однако вряд ли можно утверждать,